

Раздался тихий щелчок электронного замка.

Дверь приоткрылась, и в дом бесшумно проскользнул гость.

Первой в проёме показалась копна ярко-рыжих волос. Лингуан огляделся и заметил лишь спину Юэ Чжао. Тот хлопотал на кухне, увлечённо готовя ужин, и явно не заметил возвращения хозяина.

Лингуан облегчённо вздохнул. Быстро сбросив обувь, он крадучись пошёл по мягкому ковру мимо гостиной, стремясь поскорее добраться до лестницы.

Не успел он пройти и половины пути, как этот невыносимо настырный парень радостно его окликнул.

Юэ Чжао выбежал из кухни и, ловко обогнув диван, вырос прямо перед Лингуаном. Его большие янтарные глаза так и светились от восторга.

— А-Лин! Ты наконец-то вернулся! Как же поздно. Сначала поужинаешь или пойдёшь в ванну? Я уже попросил дворецкого набрать воду...

— Кажется, ещё утром я предупреждал, что задержусь на работе, — попытался вставить слово Лингуан, но Юэ Чжао уже мягко подталкивал его под поясницу, увлекая за собой.

Тот проигнорировал возражения, продолжая весело щебетать:

— Сегодня на рынке были такие свежие рёбрышки! Я томил их на плите весь день. А-Лин, тебе положить одну порцию или две?

Он слегка склонил голову, заглядывая Лингуану в лицо из-за его плеча с обезоруживающей улыбкой.

Как гласит народная мудрость, по улыбающемуся лицу не бьют. Тем более когда ради тебя весь день трудились на кухне.

Лингуан замер на месте, раздумывая. Затем он решительно перехватил руку Юэ Чжао, бесцеремонно убрал её со своей поясницы и развернул парня к себе, заставляя смотреть прямо в глаза.

— Я же сказал, что задержусь. И я уже поужинал в Звёздной администрации. Пожалуйста, научись слушать, что тебе говорят, прежде чем тратить время на готовку, — сухо, но веско произнёс Лингуан.

Для друга Юэ Чжао был неплох, но его привычка пропускать чужие слова мимо ушей порой выводила из себя.

Лингуан отпустил его руку, скрестил руки на груди и смерил его холодным взглядом своих фениксовых глаз. Впрочем, по сравнению с его обращением к Е Линю, это было верхом дружелюбия.

Юэ Чжао растерялся. Его взгляд подёрнулся влажной дымкой, и он растерянно пробормотал:

— Но ведь утром... разве ты не согласился?

— Я лишь сказал, что не буду брезговать твоей заботой, но ничего не обещал, — отрезал Лингуан.

Решив, что вопрос исчерпан, он развернулся и зашагал к лестнице.

Но не успел он сделать и шага, как кто-то мёртвой хваткой вцепился в его тяжёлую шинель, наброшенную на плечи. Одежда начала сползать. Лингуану пришлось резко развернуться, чтобы поймать её. Раздражение вспыхнуло в его груди, и он сердито нахмурился.

Юэ Чжао стоял, опустив голову. В ярком свете ламп его лицо скрывала глухая тень от упавших на лоб тёмных волос.

— Разве мы... не близкие друзья? — едва слышно спросил он.

— Друзья, конечно, но...

— А-Лин меня не любит? — Юэ Чжао резко вскинул голову. Его нежные янтарные глаза внезапно заволокло зловещей тьмой. По бледной коже лица и шеи, расползаясь из-под воротника, начали проступать зловещие узоры, подобные Кандалам проклятия.

На его губах застыла мягкая улыбка милосердного божества, а алая точка меж бровей горела ярким пламенем, подчёркивая жуткую, пугающую красоту.

С появлением этих меток Лингуан инстинктивно почувствовал смертельную опасность. Во взоре Юэ Чжао не осталось и следа прежней кротости — лишь чистый яд. В мгновение ока темноволосый бог оказался вплотную к нему.

Он осторожно накрутил на палец прядь ярко-рыжих волос Лингуана и нежно прошептал:

— А-Лин ведь любит меня, правда?

В его безупречной улыбке сквозило то самое величие, с которым боги взирают на смертных, но во взоре читались лишь безумие и одержимость.

Лингуан только сейчас осознал, что Юэ Чжао немного выше его, из-за чего ему приходилось слегка приподнимать голову. Но даже глядя в эти хищные, готовые поглотить его глаза, он не выказал ни капли страха и не отступил от своих слов.

— Мы всего лишь друзья. Не нужно говорить то, что может быть неверно истолковано.

— Неверно истолковано?

Юэ Чжао замер на миг, а затем тихо рассмеялся:

— А-Лин, о чём ты? Разве друзья не могут любить друг друга? Неужели ты... откажешь мне даже в этой малости? — Его тихий голос сорвался на шёпот, едва различимый в воздухе.

Лингуан промолчал, и улыбка Юэ Чжао мгновенно увяла.

Тень у их ног неестественно изогнулась, бесшумно расползаясь по углам гостиной и пожирая свет. Снаружи глухо загрохотал гром, раскалывая небо вспышками молний. Окна то озарялись мертвенно-белым сиянием, то вновь погружались во тьму, отчего лицо Юэ Чжао казалось высеченной из камня маской.

На миг Лингуану почудилось, что перед ним стоит бездушное изваяние. Но он быстро отогнал эту мысль.

— Да, — ровно произнёс он. — Мы друзья.

— Но нам не стоит переходить границы. Ты слишком заиклился на мне.

И в этом не было ничего хорошего.

Как бессмертные создания, Лингуан и его собраты привыкли держать дистанцию даже в дружбе. Долгоживущие расы неторопливы в чувствах. Они могут увлечённо болтать несколько месяцев кряду, а затем разойтись на сотни лет без ссор и тоски, даже не вспоминая друг о друге.

Эта отрешённость была частью их природы, въевшейся в кости за долгие века.

Лингуан жил именно так и искренне не понимал, почему Юэ Чжао настолько навязчив. Но подобные божества, слишком восприимчивые к эмоциям, были обречены страдать от

собственных привязанностей.

— Возможно, тебе раньше не доводилось общаться со своими собратьями, но на этой планете полно других богов. Попробуй наладить контакт с ними. Не стоит запирается в четырёх стенах и тратить всё время на меня.

Лингуан говорил искренне, как подобает настоящему другу.

— Если тебя тяготят прошлые обиды, поверь, это обычное дело. Многих наивных долгожителей когда-то предавали и обводили вокруг пальца. Тебе стоит поделиться этим с теми, кто прошёл через подобное.

В заключение он добавил:

— У тебя есть богатство и вечность впереди. Займись чем угодно, но не ходи за мной по пятам. Это бесполезно.

— У меня много друзей и есть тот, кого я искренне люблю. Что бы ты ни задумал, не питай пустых иллюзий.

—... И это всё, что ты хотел сказать, А-Лин? — Юэ Чжао медленно склонил голову набок.

На его лице заиграла странная, пугающая усмешка — так хищник наблюдает за жертвой, которая добровольно забрела в силки и теперь вещает о своей независимости. Он просто молча улыбался.

«Да-да, ты абсолютно прав» — именно такое снисходительное пренебрежение читалось в его глазах. Ему было плевать на все разумные доводы.

Лингуан нахмурился, не понимая его настроения, как вдруг прямо перед его лицом возник сочный духовный плод. Своим видом он напоминал крупный зелёный финик, глянцева кожа которого лоснилась от прохладных капель росы.

Стоило Лингуану принять подношение, как иллюзорный прилив мгновенно лишил его чувств, забивая лёгкие, уши и глаза.

Лицо Юэ Чжао мгновенно расплылось, превратившись в туманное марево, сквозь которое едва угадывалось движение его губ:

— А-Лин, ты любишь меня.

— Твоя любовь к Юэ Чжао — чистая, искренняя страсть.

Плотная пелена, способная сокрыть правду даже от ока небес, окутала разум Лингуана. Он послушно уставился на шевелящиеся губы Юэ Чжао и, точно марионетка, попытался повторить:

— Я... я лю... люблю...

Голос Лингуана охрип, сознание отчаянно боролось с чужой волей. Каждое слово давалось с титаническим трудом, словно горло резали тупым лезвием.

В этот момент Юэ Чжао мягко сжал его ладонь. Его улыбка была полна нежности и ласки, а голос звучал вкрадчиво, усыпляя бдительность:

— Всё верно. Ты любишь меня, А-Лин.

— Тебе дорого всё, что связано со мной. Съешь этот плод, и мы станем единым целым.

Спелый плод коснулся губ Лингуана.

— Я... я лю... люблю... — послушно зашептал он.

Но стоило Юэ Чжао торжествующе улыбнуться, как раздался резкий хруст. Духовный плод разлетелся на куски, безжалостно раздавленный в кулаке Лингуана.

Липкий сок брызнул сквозь пальцы, пелена перед глазами Лингуана мгновенно рассеялась, и он резко отпрянул назад.

Он ещё не успел осознать, что произошло, как вдруг Юэ Чжао с тихим всхлипом повалился на пол, уставившись на него полными слёз глазами.

— А-Лин! — жалобно воскликнул он, демонстрируя вселенскую обиду. — А-Лин меня ненавидит!

Глядя на то, как великий бог сжался в комок прямо на ковре, безутешно пряча лицо в ладонях, Лингуан лишь вздохнул.

— Ты вообще-то могущественное божество, защитник земель. Хватит устраивать здесь сцены и валяться на полу.

Юэ Чжао лишь глухо застонал в ответ и спрятал лицо в согнутых локтях, наглядно показывая,

как сильно он уязвлён.

Лингуану не оставалось ничего другого, кроме как сесть рядом на ковёр, скрестив ноги, и терпеливо ждать, пока у того пройдёт приступ хандры.

Но он и представить не мог, что за этой мнимой дрожью скрывались не обида и слёзы, а безумный, экстатический восторг.

«... Почему всё сложилось именно так?» — Юэ Чжао тихо зашептал сам себе под нос, но в его глазах сквозила лишь холодная, нечеловеческая пустота.

«Неужели я слишком поторопился? Ничего, в следующий раз осечки не будет. Какая жалость... Моя прекрасная, яркая птичка. Как же мне тебя жаль. Хи-хи, глупый, тебе всё равно не сбежать от меня...»

Он медленно поднял голову и ласково коснулся щеки Лингуана. Длинные серебристые пряди его волос шелковистой волной скользнули по полу.

— А-Лин, прости меня. Я повёл себя глупо.

— Ты ведь не сердишься?

— Не сержусь, — вздохнул Лингуан. — Хорошо, если ты всё понял. Я пойду к себе.

Юэ Чжао с кроткой улыбкой проводил его взглядом, но в этом нежном взоре таилось пугающее безумие.

«Да, я действительно слишком поспешил».

[Странно. Как он умудрился противостоять очарованию Юэ Чжао?]

Всё это — и статус лучших друзей, и навязчивое желание жить под одной крышей — было лишь ложью, которую Юэ Чжао силой навязал разуму Лингуана.

Фальшивой, хрупкой иллюзией.

Ему удалось затуманить разум Лингуана, но лишь наполовину. Полного контроля он так и не добился.

Но даже так — Юэ Чжао не должен был проиграть.

В отличие от Е Линя, Юэ Чжао являлся финальным боссом семи взаимосвязанных игровых миров.

Поначалу он казался лишь безмолвным божеством из жутких легенд в глухой деревне, но со временем оборачивался истинным предвестником апокалипсиса. Проходя один сценарий за другим, игроки должны были по крупицам воссоздать жуткую правду о том, как человечество некогда совершило святотатство — «убийство бога». Им предстояло заручиться поддержкой светлой ипостаси Юэ Чжао, чтобы помешать его тёмной половине уничтожить всё живое.

Но в самом финале «светлый» Юэ Чжао срывал маску праведника и собственноручно низвергал дерзких глупцов в бездонную пучину вечного кошмара.

Ведь Юэ Чжао изначально был зловещим, беспощадным божеством. Древним злым богом.

Смертные были для него не более чем блохами на шкуре исполинского зверя. Человечество — лишь мелкие паразиты, пригревшиеся на теле Юэ Чжао.

Твердь, в чьи глубины они не способны добуриться, была его чешуёй. Светила в небесах — его глазами. Его дыхание рождало ураганы и снежные бури. И это грозное существо люди сделали своим покровителем.

Но стоило Юэ Чжао ради забавы начать исполнять любые прихоти и потакать алчности смертных, как в сияющих глубинах вселенной зародился культ коварного искуателя.

Поговаривали, что его силе подвластно сотворение миров и усмирение океанов. В его безраздельном владении находилось семь звёздных систем, его почитали в каждом уголке космоса, а могущество не знало равных.

Всё началось с затерянной в горах глухой деревушки, продолжилось развращёнными правителями мегаполисов и завершилось порочным, погрязшим во тьме Королём.

Пороки процветали повсеместно: безумные игроки, готовые пустить с молотка собственных жён и дочерей; жестокие мужья-пьяницы; погрязшие во блуде и корысти религиозные секты... Вся империя тонула в пучине греха под безучастным взглядом Юэ Чжао.

И пока простые смертные твердили: «Бог даровал нам всё сущее», мятежники провозглашали: «Безумный бог одурманил разум людей, мы должны сражаться за свободу человечества!», а наивные игроки сокрушались: «Жестокие люди предали милосердного бога и вынудили его уничтожить мир. Я должен растопить его сердце и спасти всех!»